

МОЙ ПЕРЕВАЛ БУРЕВЕСТНИК

Рада МЕРШИНА

Перевал Буревестник. Категория: 2а. Высота: 2900м. Находится в западном отроге пика Аююк и соединяет долины рек Аккем и Кучерла (Катунский хребет, Алтай). Направление перевала – север-юг, северный склон ледово-скальный, южный – скально-осыпной.

Это был один из самых необыкновенных моих походов. Два «Икаруса», около 80 участников со всей России и ближайшего зарубежья. Мы должны были проехать по рериховским местам в Барнауле, Бийске, Уймонской долине, а потом разойтись группами по четырем разным маршрутам, чтобы через некоторое время встретиться всем на озере Аккем. Моя мама – организатор, а наш дом – большой бивак с кучей молодых веселых людей с рюкзаками. Предпоходная суета, сборы и разговоры о высоком. Много ли я понимала в свои 13 лет? Но слушать их было очень интересно.

Я до сих пор помню почти каждый день. Мы шли огромной толпой до Кучерлинского озера. С папой мы попрощались еще в самом начале – он закончил с походами аккурат перед экспедицией: мы с ним только что вернулись с Северного Тянь-Шаня. С мамой разошлись тоже на старте: она была везде и нигде, она организатор и, без преувеличения, десяткам людей, кроме меня, было о чем поговорить с ней. За меня она не переживала, хоть я вроде и ребенок, но не первый год в горах и дала бы фору большинству взрослых.

ОЖИДАНИЕ НА ГОЛУБОМ ОЗЕРЕ

Мы ушли выше по Кучерле, а затем, под руководством дяди Саши – наверх, на Зеленое озеро и дальше на Голубое озеро. Часть нашей группы, подготовленные альпинисты, сходили на восхождение вершины. Мама с Сергеем Скородумовым и Александром Лобачевским должны были прибыть с другого маршрута днем позже нас. Дурацкое ощущение: ты точно знаешь, что твоя мама – опытный турист с развитой интуицией, но горы – дело стихийное и непредсказуемое. Поэтому, пока ждешь – всегда немного страшно. А если задерживаются – страшно становится очень. По четыре раза в день я спускалась на озеро Зеленое, пока не встретила Сергея Скородумова: уставшего, похуdevшего, обгоревшего – но самого бодрого из нашей конной тройцы.

Встреча с мамой была недолгой. Это был поход-многоходовочка, ей нужно было успеть в разные места, и в группе произошла очередная рокировка: она забрала с собой Евгению Ореховскую, и они ушли на восхождение. А мы, своей разношерстной группкой, начиная с 9-летней Яны и заканчивая 60-летней Ладой Григорьевной, должны были подняться на перевал Рига Турист (1Б) и спуститься на озеро Аккем, где нас ждали остальные группы. И с этого момента началось самое интересное.

ПОДЪЕМ НА РИГА ТУРИСТ

Насколько я помню, выходили мы не рано утром, а после обеда, не знаю почему. Группу вел дядя Юра Мирошников, самый опытный походник и мамин наставник.

Поднимались по скалам и сыпуче. Из снаряги у меня были каска и ледоруб (я его выпросила, уж очень мне он нравился).

Подъем был медленный и аккуратный – скалы периодами сыпались чуть ли не под ногами. Апогеем стал град. Тогда истинным назначением каски мне показалось именно спасение от града, камни в голову (слава Богу) мне не прилетали.

Когда мы поднялись – все заподозрили что-то неладное. Я не эксперт и бывала до того на перевалах категории 1а, поэтому 1б мне представлялось чем-то сложнее на подъеме, но не тем, что я увидела. А увидела я, кроме безумной красивой горной панорамы, обрыв с другой стороны. По-прежнему не являясь экспертом, я не могла в своей голове соотнести, каким образом вообще мы сможем отсюда спуститься: обычные пешики, профессиональная снаряга была лишь у нескольких человек, кто был до этого на восхождении.

Озадачены были и взрослые. Я, промокшая, закуталась в спальник и грызла конфету, когда дядя Юра с мужиками разобрал турик и достал оттуда капсулу с письмом следующего содержания: «Поздравляем, вы поднялись на перевал Буревестник, категория 2а». Коронное дядь Юрино «в роги мать...» озадачило нашу разношерстную компанию еще сильнее. Минут двадцать взрослые ходили туда-сюда по перевалу, смотрели в разные стороны и сверялись с картой. Когда окончательно стало понятно, что перепутали перевал – было принято решение оставаться на ночевку. Узкий перевал, крупные камни – места под палатки было очень мало. Решение было принято не всеми: Володя Шуваников, видеооператор из Москвы не мог терять ни минуты и как настоящий авантюрист, еще неделю назад потерявший горные ботинки в реке, решил спускаться с перевала в ночь в сандалиях и с двумя рюкзаками. Разумные доводы не могли остановить Володю, которому надо было куда-то успеть. Мы отпустили его с миром, потому что судьба улыбается одержимым. В ту ночь передний рюкзак с обо-

рудованием не раз спас Володе жизнь, а оценить риск такого ночного спуска мы смогли только следующей ночью, когда покончили с перевалом сами.

НОЧЕВКА НА БУРЕВЕСТИКЕ

Из пяти палаток мы кое-как разместились в трех и набились в них, как шпроты в банках. Мне кажется, уместились бы и в двух – слишком велик был шок и желание спать в тепле. Общего ужина не было, каждый в своей палатке обеспечил себе прием пищи сам. Тетя Люда выдала всем пчелиные конфетки с пергой, а дядя Юра вытащил банку тушенки – в тот год наше меню было вегетарианским в связи с предпочтениями публики и наша палатка с мясоедами не имела конкурентов на эту банку говядины, посему мы и съели ее сами с пшеничными слайсами.

Палатка была старая, и вход в тамбур фиксировался на булавки и нитки, закрыть ее было целое дело. Немного похажив по камням, я залезла в палатку, и мы все улеглись спать. Новость о перепутанном перевале нужно было пережить, а сон – лучшее лекарство для очищения головы.

Проснулась ночью от естественной нужды. С горем пополам вылезла из палатки и обомлела. По классификатору высота Буревестника – 2900 м. Видели ли вы небо с такой высоты, да еще и в экологически чистом Алтае? Это не Кемерово в окружении шахт и химических заводов с его смогом, который, кажется, можно ножом резать. Это прозрачная чистота и такая панорама звезд, чуть близкую к которой я видела потом еще всего раз в жизни на подходе к озеру Дарашколь. Вверху звезды, влево, вправо, по кругу, куда хватает глаз – звезды. Ни одна, ни две, а десятки и сотни тысяч. Голова закружилась. Потом я вспомнила о нужде. Вокруг крупный курумник, три шага от палатки вперед – обрыв. Подумала я секунды две и решила, что я не Володя Шуваников и ночью лазить по скалам не буду. Нужда отступила под давлением желания жить, и я вернулась в палатку досыпать.

УТРО

Утро было веселым, потому что чего грустить? Как спускаться – непонятно, из воды – только снег, провизии – крохи, так как лишнего в горы не берут, а по нашим расчетам мы уже должны были быть на Аккеме в окружении друзей, еды и лепешек с метеостанции.

На газ поставили котел с снегом. Вода из снега – дело опасное, в ней нет необходимых солей и при продолжительном употреблении ее вместо обычной воды человек гаснет. Да и невкусно, если честно. Еще менее вкусно – сваренная на этой воде апи-цампа, какая-то тибетская каша, которую тетя Люда несла с собой и рекламировала при каждом удобном случае. Все ели, не есть было нельзя. А у меня в горах аппетита особо никогда нет, я ем воздух, воду, виды, сушки, ягоды, грибы и конфеты. Пью чай. Стихушничала и не стала есть цампу, хотя дядя Юра бы отругал и заставил бы, если бы узнал. Но взрослым было не до нас. Сушки, конфеты. Собрать рюкзак и слушать взрослых.

СПУСК С ПЕРЕВАЛА: СКАЛЫ

Взрослые обсуждали, спорили, а потом дали старт: сначала мы шли по хребту, узкой длинной верхушке гор. Идешь тихонечко себе, стоят с разных сторон Кирвес и дядь Юра, держат веревку с двух сторон, а ты рюкзак расстегиваешь, за ручку одного, потом за веревку и вдоль скалы по маленьким выступам снизу, между ног смотришь – отвесная стена вниз метров на сто, поднимаешь глаза, шаг, шаг, хватает под локоть другой, проходишь дальше по ровному и ждешь остальных.

А потом долгий-долгий спуск. Ох, как тоскливо в 13 лет ползти по скалам и сыпуче как улитка! Хочется тыгыдык-тыгыдык и есть лепешки на Аккеме, но нельзя. Потому что численность группы превышала адекватное для такого маршрута количество людей больше, чем вдвое. А возрастной разбег группы и физическая подготовка половины участников вообще не предполагали подъема

сложнее Кара-Тюрека (мы почти в той же компании его в 2007 проходили и умаялись). Такие скалы также предполагают в качестве путников разве что горных козлов и, если бы эти козлы нас увидели – были бы озадачены не меньше нас, открывших турик наверху.

Но обратного пути не было.

До сих пор я не представляю чувств и мыслей дядь Юры, который вел этим маршрутом собственную внучку. Зато хорошо представляла чувства моего папы, если бы он увидел меня на этих скалах. На адреналине страха и ощущения серьезности этого дела у меня, 13-летней девочки, не было и я со смехом думала, что папа бы маму прибил.

Мы шли и болтали о том, что будем есть, когда вернемся домой. Жареную картошку, бананы и пирожное «Ёжик». О диване, уни-тазе и телевизоре тоже мечтали. Мечтали даже о зеленой траве, на которую можно было бы лечь и которая была беспощадно далеко внизу.

8 часов мы плелись траверсом вниз. Точнее шли мы от силы часа 2, остальное время стояли и ждали, пока пройдут наши товарищи. Спуск был страшный, скалы сланцевые, сыпуча, всё крошилось и ехало, главная установка – смотреть на скалы вверх и, если что-то летит – громко орать «камень»!

Ни у кого с первого раза не получалось закричать верно. Сначала были «ой», «блин», «божечки», «там», «это», «ай», «летит». Хотя установка была четкая. На минутку бдительность потерял и дядь Юра. Как ответственный за моральное состояние группы, он отвлекал нас байками о походном прошлом, постоянно контролируя ситуацию, но тут то ли случай сильно смешной, то ли воспоминание очень приятное – отвлекся от смотра в скалы и вспомнил о нем, когда перед его носом пролетел булыжник размером с кулак. Больше он в тот день байки на травил. Да и мы как-то сосредоточились.

Спуститься со скалы было половиной дела, и, хотя событие было радостное, впереди нас ждал огромный тающий ледник, щедро

усыпанный мелкими камнями, которые ехали от каждого шага. Дурацкое место: и кошки не наденешь, чтобы по льду идти, и просто шагать – невозможно.

СПУСК С ПЕРЕВАЛА: ЛЕДНИК И ДОЛГОЖДАННАЯ ТРАВА

Синяки набили все. Люди падали, катились, кто-то даже потерял рюкзак. Снизу летящий на нас черный баул казался не то собакой, не то камнем, но он просто пролетел мимо и никого не задел. Безумное напряжение в ногах, забитые мышцы – такого не было у меня даже на самых продолжительных курумниках. Мы двигались попарно, сильный мужчина плюс слабый ребенок, женщина, бабушка. Осознала тогда, как важно взаимопонимание в горах, потому что с моим партнером мы понять друг друга не могли – рука подавалась, когда не было нужды и не подавалась, когда была очень нужна. Я поперла вперед.

К закату мы ступили на траву. Ступили не все, некоторым пришлось тяжелее: дядь Юра шел в самом конце, как настоящий руководитель, и следил, чтобы спустились все и без травм.

Правильно ли было расходиться? Мне тогда было все равно. Спуск к Аккему казался таким родным, как дорога из школы домой. Мы шли с Лариской, Аней и Яной. Точнее не шли, а бежали. По траве, камням, корням, болотам и ручьям. Как-то сразу вышли на нужную тропу. По кромешной тьме с налобными фонариками мы спускались по хвойному лесу, и снова – не спускались, а почти скакали на втором дыхании, потому что этот лесной спуск знаменовал одно – Аккем внизу в паре километров, нужно только дойти.

Я не помню, нашли ли мы вечером своих или встретились с ними только утром. Не помню ничего кроме Аккема, мягкой травы, палатки, поставленной на ровном и дяди Юры, который пришел позже на два часа, привел отстающих и громко материл тех, кто не стал ждать и ускакал вперед. Материл, конечно, взрослых и абсолютно

справедливо – делать так нельзя. Группа должна держаться вместе в любых обстоятельствах и быть рядом с руководителем, чтобы никто не потерялся и при травме был подлечен и унесен. Обо всем этом я думала потом многие годы. Я была ребенком и «в роги мать» меня не коснулась, чего с меня взять, я просто бежала к мягкой траве и скорее из этого похода домой к папе. Но память на всю жизнь.

Мама с товарищами вышла позже, уже по правильному перевалу, но и они там горя хапнули, конечно. Классификатор перевалов однозначно стоит актуализировать.

Дальше, после такого перевала, аккемская тропа уже казалась детской площадкой. Может, оттого сильно в памяти и не отложилась – и до, и много раз после я ходила по ней. А вот Буревестник – это навсегда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взрослеешь ли ты в таких походах? Глобально кажется, что нет. А потом вспоминаешь о них 14 лет подряд и видишь, что ты усвоил уроки, которые тебе дали эти люди и эти горы. Сформировали характер, научили работать в команде и заботиться о тех, кто слабее тебя. Научили контролировать всё вокруг, потому что «надежная» скала под ногой может отколоться и поехать, а спокойные горы сверху подарить камень в голову. Ты уже точно знаешь, что каска – это от града, самая вкусная жареная картошка – после похода, и папа маму не приберет, куда бы ее ни занесло и где бы ни были их дети – он пожарит картошки, потому что он – дом и тыл.